

УДК 327

Е.И. Зелнев

ОБРАЗ МИРА: ГЕОКУЛЬТУРНОЕ МИРОВИДЕНИЕ*

*Человек познает сам себя только
в той мере, в какой он познает мир.*

Иоганн Вольфганг Гете

Когда мы хотим что-либо объяснить, то говорим фразу «таким образом», подразумеваемая наше «знание» предмета обсуждения. А когда возмущаемся чем-либо, то восклицаем «Безобразия!», то есть сетуем на отсутствие привычного и понятного нам «образа». От этого же корня возникли слова «образование», «образованный», «образец», «образцовый», «сообразительный», и глагольные формы от того же корня — «образовывать», «преобразовывать», «изображать» и «преображать» с широчайшим семантическим веером смыслов.

Современный энциклопедический словарь определяет «образ» прежде всего как «картину восприятия человеком явлений или мира в целом». Наряду с этим основным, понятие «образа» может иметь и другие значения (чувственное представление, художественное отображение и т. д.). Вместе с понятием образ в справочной литературе фигурирует термин «гештальт» (нем. Gestalt — форма, структура) — основное понятие гештальтпсихологии (М. Вертхаймер, В. Келер, К. Коффка, Ф. Перлз и др.), которое обозначает целостные, т. е. не сводимые к сумме своих частей, структуры образов. [17. С. 288, 766].

Разновидностью образной памяти считается также эйдетизм (др. греч. «эйдос» — «образ», а также «вид», «облик») — способность сохранять и воспроизводить яркие и детальные образы чего-либо даже сравнительно долгое время спустя после его исчезновения из поля зрения. Эйдетические образы обладают почти фотографической точностью и четкостью, так что человек не вспоминает их, а как бы продолжает видеть. Физиологической основой подобных образов считается остаточное возбуждение зрительного анализатора. Эйдетизм обычно встречается у детей (примерно у 5%), а с возрастом, как правило, ослабевает и даже совсем исчезает. Обычно, говоря об эйдетизме, подразумевают зрительные образы, но предполагается, что возможны столь же яркие образы и любой другой модальности. [15. С. 489–490].

Гениальный В.И. Даль, описывая смысловое многообразие понятия «образ» и его производных, приводит такое значение, как «образ», мн. «образа́» — портрет, икона; фразу «Бог создал человека по образу и подобию своему»; весьма **образную** поговорку «По образу как я, а по уму — свинья»; наконец, «обра́за» — позор, стыд. [5. С. 613–614].

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© Е. И. Зелнев, 2009

От себя добавим еще слово «дикобраз», зверька, имя которого имеет дивную способность недружелюбно обозначать любую сущность.

Такое семантическое и смысловое «изобилие» для русского языка не редкость, странно другое: образ как психологическое понятие известен более чем две с половиной тысячи лет, но его научное гуманитарное обоснование и сегодня находится «на стадии правдоподобных гипотез». Не существует и завершенной теории, объясняющей механизм человеческого мировосприятия, которое без образного мышления едва ли осуществимо.

Это тем более удивительно, что образное мышление обеспечивает непрерывность («целостность») нашего восприятия реальности во времени и пространстве, несмотря на неполноту и фрагментарность имеющихся сенсорных данных. Общеизвестно, например, что четко человек видит лишь примерно 0,5% окружающего его пространства или 2° из 360°, т. е. пространство, перекрываемое двухрублевой монетой, удерживаемой на вытянутой руке. [16. С. 4–5]. Невидимую или плохо видимую часть внешнего мира человек компенсирует с помощью образного «домысливания», поворачивая для этого голову, запоминая увиденное и составляя единый, целостный, комфортный образ окружающего. На этом принципе основана психотехника визуальной медитации, когда медиум стремится удержать в поле зрения максимально четкое изображение всего видимого пространства, активируя тем самым левое полушарие головного мозга, отвечающее за образное мышление. Незрячий или лишенный возможности видеть человек компенсирует отсутствие визуальной информации другими органами чувств, но преимущественно образностью мировосприятия. Нередко образ возникает вне или без того, чтобы видеть: мы сначала определяем нечто, а потом видим это и соотносим с имеющимся в нашем сознании образом этого. Кому не известны египетские пирамиды? Существенно меньше людей видели их сами или хотели бы видеть, но имеют о них представление и хранят в сознании их образ.

Как правило, то же самое происходит не только со зрением, но и с другими органами чувств, поскольку именно «преконцепции» и «следы памяти» преимущественно управляют процессами восприятия. Непрерывность восприятия, по мнению Марвина Минского, объясняется тем, что наши ожидания гладко взаимодействуют с нашим восприятием. Представьте, как бы вы были поражены, если бы вам пришлось выйти из комнаты, закрыть за собой дверь, затем вернуться за чем-либо и обнаружить за дверью совершенно другую комнату или вообще не комнату. Другой пример, связанный со слуховым восприятием: глядя на человека, мы ожидаем, что он заговорит, а, например, не залает по-собачьи, а от собаки ждем лай, а ни как не речь. Непрерывность восприятия зависит от быстроты доступа к запомненным знаниям об окружающем нас мире, скорости поиска стереотипных образных моделей и просто их наличия в памяти. [13. С. 50; 1. Р. 19; 11. С. 22–23]. Внешние стимулы благодаря восприятию помогают пройти путь от объективного мира к ощущению и далее к картине, образу, модели мира, словом, к формам осознанного мировосприятия. Как понимать «объективный мир»? Видеть ли его как «мир до и без человека» либо, следуя логике С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, признать, что «с возникновением нового уровня сущего (человека) во всех ниже лежащих уровнях мироздания появляются новые свойства», наиболее общее из которых — предпосылка явлений мира «полагать себя», «являться» человеку в ощущениях? [14. С. 330; 8. С. 4]. Выдающийся французский религиозный мыслитель, геолог, палеонтолог, антрополог Пьер Тейяр де Шарден отмечал, что психогенез (эволюция челове-

ческого поведения от инстинктивных действий к рефлекслирующему сознанию) привел нас к человеку.

«Под геохимическими, геотектоническими, геобиологическими пульсациями всегда можно узнать один и тот же глубинный процесс — тот, который, материализовавшись в первых клетках, продолжается в созидании нервных систем. Геогенез переходит в биогенез, который в конечном счете не что иное, как психогенез... Теперь психогенез ступенькается, он сменяется и поглощается более высокой функцией — в начале зарождением, затем последующим развитием духа — ноогенезом. Когда в живом существе инстинкт впервые увидел себя в зеркале, весь мир поднялся на одну ступень... Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера. Человек вошел в мир бесшумно». [20. С. 148–151].

«Человек вошел в мир бесшумно», но, самоотверженно отстояв свое право на земное существование, создал такой тип культуры, который произвел «взрыв» научной мысли XX столетия, подготовленный всем прошлым биосферы. Владимир Иванович Вернадский, кажется, не без грусти отмечал, что человек уже «не может остановиться и пойти назад», поскольку «процессы, подготовлявшиеся миллиарды лет, не могут быть переходящими, не могут остановиться». Ноосфера — это биосфера, переработанная научной мыслью. В таком формате культура — это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека». [4; 6. С. 24].

Человеческая деятельность как бы достраивает субстанцию самой природы, пробуждая в ее объектах такие сущностные свойства, которые без человека никогда бы себя не обнаружили. По существу, человеческая мысль открывает, говоря словами В.И. Вернадского, «**другие**» области реальности, чем та, в которой идет человеческая жизнь». «Другие» лишь в том смысле, что человек биосферы даже не подозревал о их существовании, тогда как человек ноосферы объективно стремится и субъективно нуждается в многоуровневом миропонимании: в масштабе «пространство-времени» предельно малого и «пространство-времени» предельно большого, не упуская из вида аутентичное человеку реальное «пространство-время», которое мы склонны именовать геокультурной пространственно-временной парадигмой. Эту же мысль о новом качестве современного этапа человеческой эволюции высказывает и Рут Нанда Аншен, жена Эриха Фромма, написавшая заключительный раздел к его работе «Революция надежды...».

«Человек вошел в новую эпоху эволюционной истории, а главное следствие этого — быстрое изменение. Он борется за фундаментальные перемены, поскольку вовлечен в эволюционный процесс... В результате борьбы с препятствиями, создаваемыми окружающей средой, он замечает целенаправленный эволюционный процесс медленной, но эффективной биологической эволюцией, которая продуцирует современного человека через мутацию и естественный отбор».

Аншен делает вывод о том, что путем интеллектуальной интервенции в эволюционный процесс человек в большой мере увеличил диапазон своих возможностей, но оказался на пути, чреватом опасностями и ошибками. Один из возможных путей развития ведет к «пустоте ума и сердца, моральной апатии и интеллектуальной инерции, даже к производству социальных динозавров, не годящихся для жизни в развивающемся мире». Другой путь, который, видимо, Аншен полагает разумным, состоит в том, чтобы пока еще незначительное духовное совпадение человека с миром, стало «священной для каждой человеческой личности основой множественности культур» [2. С. 178–179]. По сути, речь идет об объявлении индивидуальной «охоты» на Образ мира, способной

объединить людей, ответственно относящихся к себе и окружающим и способных видеть мир как целостный образ.

Очевидно, индивидуальный опыт мировосприятия несравненно более фрагментарен и эклектичен по сравнению с коллективным или общечеловеческим в формате оппозиции «человек/мир». Эрих Фромм, анализируя фрейдизм, отмечает, что большая часть из того, что является реальным внутри нас, является бессознательным, а большая часть сознательного не является реальным. Центральным пунктом в учении Фрейда было то, что «субъективность человека на самом деле детерминирована объективными факторами [...], которые скрыты от человека, как определяющие его мысли и чувства, и косвенно его действия».

«Человек, гордый свободой мысли и выбора, на деле является марионеткой, управляемой находящимися сзади и сверху него веревочками, за которые дергают неведомые его сознанию силы. Но Фрейд не останавливается на фаталистической ноте, подтверждающей внутреннюю беспомощность человека перед лицом детерминирующих его поступки сил. Он постулирует, что человек может осознать те самые силы, которые действуют за его спиной, и в процессе их осознания он расширяет царство свободы и превращается из беспомощной куклы, которой двигают бессознательные силы, в осознающего себя свободного человека, определяющего свою судьбу» [18. С. 271]. Ссылаясь на Бенедикта Спинозу, как первого мыслителя, который представил четкую концепцию бессознательного, на Адама Смита, писавшего о «невидимой руке», которая ведет человека к цели, не входящей в его намерения, на знаменитое изречение Фридриха Ницше: «Моя память говорит, что я сделал это; моя гордость говорит, что я этого не делал; моя память сдается», на Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, утверждавшего, что человек служит целям истории, не зная этого, и «уловки рассудка» делают человека марионеткой, которую Идея (Бог) дергает за веревочку, наконец, на Карла Маркса, который в отличие от Фрейда, полагавшего, что человек может преодолеть подавление бессознательного без социальных перемен, постулирует необходимость социальных перемен для реформы сознания, которая «состоит единственно в том, что мир становится осознаваемым своим сознанием», Эрих Фромм высказывает главную идею своей концепции «социального бессознательного». «Бессознательное есть человек, минус та его часть, которая соответствует нормам его общества». Поэтому, если «осознать бессознательное — значит войти в полный контакт с человечеством и убрать прочь барьеры, которые общество воздвигает внутри каждого человека и, следовательно, между каждым человеком и его ближними». Заслуживает внимания оценка Э. Фроммом различия между собственной концепцией «социального бессознательного» и концепцией «коллективного бессознательного» Карла Густава Юнга: «коллективное бессознательное» прямо означает универсальную душу, большую часть которой вряд ли когда-нибудь удастся осознать, тогда как концепция «социального бессознательного» начинается с замечания о репрессивном характере общества и относится к той особой части человеческого переживания, которое данное общество не разрешает осознать. «Социальное бессознательное — это социально подавляемая часть универсальной души» [18. С. 282, 294–295]. Установка на социальное моделирование, которую дает Фромм своим последователям, приводит его к замечательному выводу, что «идеология не отличается от рационального обоснования», но при этом имеет и собственную жизнь, которая далеко не всегда совпадает с жизненными ритмами аутентичного идеологии общества. Вызов идеологии на дуэль во имя попранных идеалов — есть, таким образом, цель критического мировосприятия.

Именно таким образом исходящее извне ощущение, пройдя фильтр бессознательного, достигает сознания, преобразуется в образ-идею и оказывается в состоянии «вернуть долг» объективной реальности, из которой вышли породившие ее ощущения.

Согласно этой логике образ одновременно принадлежит и субъекту (человеку), в чьем сознании он возникает, и, с другой стороны, является одним из проявлений сущности оригинала, образ которого формируется. Субъектно-объектная характеристика образа — чрезвычайно важный момент нашего мировосприятия, непосредственно подводящий к мировоззренческой проблеме об «индивидуальном и коллективном бессознательном», «пресознании», «протосознании», «врожденном припоминании», о первичных существующих до опыта категориях, наличие которых Джером Брунер предлагает условно считать уже доказанным [3. С. 17]. Субъектно-объектная характеристика образа позволяет увидеть предпосылки восприятия некоторых явлений жизни исключительно в образной форме, например, существует принципиальная возможность исключительно образного восприятия Бога.

Понятие «Образ мира», который мы будем писать с заглавной буквы, чтобы отличать его от иных менее масштабных образов, подразумевает комплексное мировосприятие, мироощущение, миропонимание в контексте субъектно-объектной оппозиции, где мир одновременно и объект восприятия и субъект, говоря словами Аристотеля, позволяющий «соразмерное человеку» знание о себе. Способность материального мира **отражать** самое себя в сознании человека — важнейшая предпосылка будущего раздвоения материи на бытие и сознание. Отражение, будучи родственным (но не тождественным) ощущению, сознанию, воплощает в себе единство материального мира и сознания человека — важнейший принцип многих этнокультурных картин мира. В исламе, например, этот принцип выражен понятием «таухид» («единобожие»), лежащим в основе теологического обоснования преобладания сакрального над мирским, профанным.

Отражение тесно связано, но, опять-таки, не тождественно таким атрибутам материального мира как движение, взаимодействие, взаимосвязь. Отражение — это дивная способность увидеть себя со стороны. А почему, собственно, только себя, и что же в моем отражении «моего»? Анализ различных точек зрения на понятие «отражение» в широком смысле, усматривая его в любом акте взаимодействия, позволяет приблизиться к гносеологическому пониманию оппозиций «действие/образ» и «образ/действие» и производной от нее троичности «действие/образ/действие». Психический образ как непосредственный результат процесса отражения может усматриваться везде, где оставленный отражением след или метка могут интерпретироваться даже при сильной натяжке как подобные оригиналу, внешне сходные с ним. Следуя логике С.Д. Смирнова, отражение обуславливает такое свойство любого психического образа как его активность. Со ссылкой на И. Канта, он подчеркивает, что «субъект включается в преобразование самого объекта». Еще Леонардо да Винчи утверждал, что творчество самого человека должно быть включено в процесс познания. И. Кант придал этой мысли полную определенность, заключив, что знание не только черпает законы из природы, но и диктует их ей, творит новые. Так мы приходим к категориям Homo sapiens — человек мыслящий и Homo agens — человек действующий. Эти две ипостаси личности отражаются в природе психических образов. Неверно полагать, будто мир познается в ощущениях. В ощущениях внешний мир нам лишь дан, точно так же, как он дан собаке или кошке. Познается же он не в ощущениях, а в деятельности мышления [16. С. 17, 47,

65]. Главные выводы из сказанного состоят в следующем: психический образ, являясь отражением внешнего мира в сознании человека, принадлежит и материи, и сознанию одновременно. Он преобразует структуру личности и опосредованно влияет на внешний мир, пробуждая своей активностью энергию человеческой деятельности. Анализ оппозиции «образ/действие» приводит к тезису о наличии «инобытия» одной вещи в другой, о реальном присутствии одного в **другом** (ниже мы еще не раз вернемся к этому тезису и к категории «другой»), что проявляется в тех изменениях, которые происходят в этих вещах [10. С. 179]. Не пытаясь усложнить сказанное, добавим лишь один гипотетический тезис. Преобладающее в образе обусловлено внешним миром, что-то привнесено человеческой мыслью, но есть, видимо, нечто такое, что возникло на уровне пресознания, инстинкта, генотипично, априорно. Осознанное мышление имеет тенденцию быть логичным, структурировано согласно причинно-следственной парадигме, сознательная обработка информации помогает исключить нереалистичное и нереализуемое, но... Неосознанное мышление, интуитивно быстро «схватывающее» связи между частями информации, эффективно управляющее спонтанными реакциями, делает «многофункциональность», «многозадачность», «хроноскопическую молниеносность» разума более эффективной, чем осознанный разум. Эффективное осознанное и разблокированное неосознанное мышление людей с хорошими нервными связями по всему мозгу открывают простор для самой эффективной мыслительной деятельности. Образное мировосприятие позволяет проходить границу осознанного и неосознанного мышления в обоих направлениях, пробуждая скрытые «подводные» массы этого гигантского мыслительного айсберга.

Насколько важно решать эти проблемы, используя максимальный потенциал разума, говорит тот факт, что примитивный человек подобно животным изначально умел находить естественные убежища от стихийных сил природы, но понадобилось свыше 10 тыс. лет, чтобы человек додумался создать первые примитивные рукотворные хижины [19. С. 151]. Стоит ли так долго ждать, пока потребность в Образе мира станет для человека в один ряд с потребностью иметь жилье, достойную работу, качественный отдых?

Теперь попробуем увидеть природу образа такой, какова она на самом деле, а не такой, которую бы нам хотелось видеть. Любые, самые фантастические образы, имеют в основе «деятельную парадигму» функциональной структуры познавательных процессов, суть которой в следующем: «деятельное отношение субъекта к объекту (сначала практическое, а затем и познавательное) является начальным звеном любого психического процесса, а чувственные впечатления приобретают статус психического образа или его элемента, лишь начав выполнять роль регулятора этой деятельности; наличие стимуляции как правило является только условием, а не причиной возникновения чувственного образа». Согласно этому подходу процессы построения образа, релевантного окружению в целом или отдельному объекту, происходят по схеме: C1–O1–P1–C2–O2–P2....–O, где C1 — внешний стимул, повлекший обработку чувственных данных; O1 — образ; P1 — реакция, ответное действие, и далее новый цикл, который приближает человека к пониманию объективного мира — «O» [16. С. 136–142]. Дж. Брунер предлагает следующую схему основных этапов процесса принятия решений на основе перцепирования (восприятия): первичная категоризация; поиск признаков; подтверждающая проверка; окончательное подтверждение [3. С. 26–31]. Первичная категоризация, согласно Дж. Брунеру, происходит на основе имеющихся представлений о мире, зако-

дированных в образы-смыслы. Иными словами, явление внешнего мира перцептивно выделяется из окружающего мира и ему приписываются определенные пространственно-временные и качественные характеристики, такие, например, как «предмет», «звук» или «движение». Совместив эти две схемы, мы можем вывести формулу мировосприятия, в которой Образ мира играет роль исходного пункта и результата любой познавательной деятельности: «O.C1» (внешний стимул, т. е. объективное явление, исходящее из внешнего мира) — «O.C1.O1.P1» (первичная категоризация явления на основе имеющегося Образа мира) — «O.C1.O1.P1.P2» (поиск главных признаков соответствия объекта доступным категориям имеющегося Образа мира как первичная реакция) — «O.C1.O1.P1.P2.O2.O» (подтверждающая проверка — окончательное подтверждение с корректировкой имеющегося Образа мира по отношению реального мира). В данной формуле понятия «O» — объективный мир, «O1» — имеющийся до перцепции Образ мира, «O2» — скорректированный в ходе перцепции «измененный» Образ мира, отражающий объективный мир. Эти понятия могут быть адекватно поняты благодаря субъектно-объектной парадигме анализа с применением категории «другой». Речь идет о том, что объективный мир («O») содержит в себе предпосылки Образа мира («O1» и «O2»), которые, в свою очередь, отражают в той или иной степени реальный мир. Следующий цикл образного мировосприятия может быть представлен формулой: «O.C2.O2.P.2.P.3.O3.O» и т. д.

Данная формула важна именно как схема, дающая нам право приступить к рассмотрению вопроса о формировании Образа мира как исходного пункта и результата любой познавательной деятельности. Стимулом для такого рассмотрения будет не более чем субъективная интенция, поскольку еще в данный момент не поздно остановиться и прекратить анализ. Такова реальность и с ней необходимо считаться.

Современная психология понимает под Образом мира *«некую совокупность или упорядоченную систему знаний человека о мире, о себе и других людях и т. д., которая опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие»*. Построение образа внешней реальности есть процесс актуализации компонентов уже имеющегося Образа мира и одновременно процесс его уточнения, корректировки и даже радикальной перестройки. При этом управление действием осуществляет не образ сам по себе, а модифицированная этим образом картина мира. Дж. Брунер, в частности, утверждает, что соответствие действительности достигается не столько за счет функции «представления или восприятия мира», сколько за счет построения картины мира (Дж. Брунер именуется ее моделью). Обучаясь восприятию, мы усваиваем отношения, существующие между наблюдаемыми свойствами объектов и событиями, усваиваем соответствующие категории и системы категорий, научаемся предсказывать взаимосвязи событий и проверять эти предсказания, основываясь на уже имеющейся целостной картине мира. «Восприятие при этом действует иногда как приветственная делегация, иногда как отборочная комиссия».

Приведем несколько примеров, характеризующих процесс перцепцирования (восприятия). **Регулярность, повторяемость** какого-либо явления воспринимается человеком как закономерность, даже тогда, когда между явлениями такая закономерная связь не наблюдается. Такой тип предвосхищающей установки называется «иллюзией игры» или «эффектом отрицательной новизны». На этом основании строится механизм **последовательной интеграции вероятностей**, который окрашен эмоциональностью: человек с большей готовностью верит в повторяемость субъективно желательных со-

бытий, нежели тех, который внушают ему опасения. На этом основывается психологическая зависимость азартных игроков, фанатично ожидающих выигрыша. Другой пример, связан с доступностью кодирующих категорий. **Готовность к восприятию** «нового» тем выше, чем более развита у человека способность к **категоризации** и отмобилизирована на уровне клеточных ансамблей головного мозга способность к селекции и адаптации впечатлений. Безальтернативность, **монополизация выбора** одной гипотезой, как правило, воспринимается менее критично и легче находит подтверждение, что существенно **снижает порог несовпадения**. При этом количество альтернатив, укладываемых в т. н. «объем внимания», не превышает 7–8. При таком количестве альтернатив констатация в пределах бинарности «совпадение-несовпадение» вполне достижима. Свыше этого выбор, как правило, утрачивает рациональный характер, приобретая оттенок «угадывания». Порог времени распознавания элементов несоответствия тем ниже, чем выше **готовность** субъекта воспринимать те или иные явления, т. е. временной порог снижается благодаря **научению и инструктированию**, что показывают эксперименты с узнаванием табуированных слов или буквы «В» в искаженном написании как «І З». Так, даже при минимальном инструктаже фраза «Я І З ПАЛЬТО» воспринимается адекватно, как «Я В ПАЛЬТО». При бинокулярном соперничестве недоминантный глаз обнаруживает меньшую чувствительность зрачкового рефлекса, чем доминантный, что, например, указывает на важность такой «мелочи» как местоположение книги справа или слева от зрительной оси. **Порог восприятия** звукового раздражителя может быть существенно снижен при многократном его повторении, более того, со временем, благодаря «привыканию» исчезнуть вовсе. Все эти и многие другие примеры особенностей перцепционного процесса указывают на комплексный характер формирования мыслительных образов в сознании человека и сложном сочетании объектно-субъектной взаимозависимости образа и оригинала.

Применительно к предмету нашего рассмотрения особое значение имеет феномен **«неадекватных категорий»**. Например, приехавшие в Лондон африканцы в 20-е годы XX в. определяли полицейских-регулирующих как наиболее дружелюбно расположенных людей, поскольку они часто поднимали правую руку ладонью вперед навстречу приближающемуся транспорту: африканцы принимали жест «Остановиться!» за приветствие. Другой пример — акцент при изучении иностранного языка, который многие годы сохраняется у говорящего, даже если он владеет языком удовлетворительно. Возможное объяснение — посткатегоризационная сенсорная фильтрация: коль скоро высказывание понятно, декодирование звуковых символов в соответствующих категориях достигнуто, прочие признаки ассимилируются или вовсе пропускаются. Неадекватность категоризации — это не всегда ошибочная категоризация, она может быть просто недостаточно определенной. Так «предметом из прозрачного материала» может именоваться бесформенный осколок стеклянной банки и кубок из горного хрусталя работы саксонского мастера XVII в. Неадекватность категоризации может быть вызвана сенсорным обманом (мираж, принимаемое за реальность отражение в зеркале, тень или манипуляции иллюзиониста, слуховые галлюцинации или иммитации и т. д.). Именно эту неадекватность категориальной системы образов описал Платон в «Государстве», где аллегорически изобразил людей, живущих в пещере невежества и, как пленных, заключенных в мир образов, рожденных тенями на стене пещеры, которых люди до поры, до времени воспринимали как реальность.

Наиболее очевидные примеры неадекватных систем категорий встречаются в вос-

приятию социальной сферы, поскольку системы категорий в социальной сфере лишены универсальности и формируются соответственно месту и роли субъекта в социальном процессе. При переходе человека из одной социальной страты в другую система категориально-образного мировосприятия меняется с большим трудом. Выделяются две группы причин неадекватной установки к восприятию: во-первых, неумение усвоить подходящие категории для классификации событий окружения и их последовательности; во-вторых, искажения, в результате которых категории с широкими пределами маскируют менее доступные категории, как это имело место с «предметом из прозрачного материала» [3. С. 18, 34, 38, 41, 45, 49–51, 59–60]. В качестве примера неадекватного восприятия систем социальных категорий, обычно приводят стереотипность социальных восприятий, которая длительное время сохраняется у человека, поднявшегося из нижних социальных слоев в элитарные. Этот феномен отражен в образе Полиграфа Шарикова в повести М. Булгакова «Собачье сердце».

Внешние стимулы, вызывающие чувственное впечатление, могут повлиять на картину мира и, следовательно, внести свой вклад в формирование Образа мира, только если от Образа мира в целом навстречу стимуляции извне идет ферментирующая энергия, которая и определяет, какие стимулы ассимилируются Образом мира, а какие игнорируются. Эта ферментирующая энергия представляет собой многоплановый и полиформный процесс познания, который прекращается только с потерей сознания или в результате глубоких патологий функций головного мозга. Этот встречный процесс ассимиляций и апробаций существующего Образа мира осуществляется путем непрерывного «сопоставления ожидаемых, экстраполируемых характеристик реального мира с тем, что мы получаем на сенсорном “входе” в результате воздействия стимуляции на наши органы чувств».

«В случаях нарушения такой апробации, например, в результате сенсорной депривации и перцептивной изоляции, наступает и нарушение более глубоких, ядерных структур Образа мира, имеющих амодальный характер. Происходит нарушение ориентации во времени и пространстве, нарушается восприятие ситуации в целом, возникают галлюцинации и т. п.»

Иными словами, Образ мира вносит главный вклад в построение образа предмета или ситуации. Движение Образа мира навстречу стимуляции извне является модусом его существования и носит, условно говоря, спонтанный характер. Этот процесс обеспечивает постоянное апробирование Образа мира чувственными данными, подтверждение его адекватности. При нарушении возможности такого апробирования Образ мира начинает нарушаться. Движение от «субъекта к миру» носит процессуальный характер и прерывается только лишь на фоне мозговых нарушений.

На уровне чувственного отражения Образ мира формируется на языке самих чувственных впечатлений, а на ядерных уровнях имеет схематическую или символическую форму, выраженную с помощью языка.

«Воспринимаемый мир есть форма существования схемы мира в той или иной модальности. Образ мира не складывается из образов отдельных явлений, а с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое, т. е. любой образ есть не что иное, как элемент Образа мира, и сущность его не в нем самом, а в том месте, в той функции, которую он выполняет в целостном отражении реальности» [16. С. 142–145].

Активность образов в форме их непосредственного взаимодействия теоретически неприемлема, но образы, особенно образы-цели, могут оказывать регулирующее и ини-

цирующее влияние на деятельность, в процессе которой они опосредованно взаимодействуют и подвергаются отдельной или взаимной корректировке. Взаимодействие психики и деятельности нельзя описать с позиции классической логики. В теории перцептивных действий деятельность рассматривается как механизм самого построения образов, входит в саму плоть образа. Причем бездействие — это тоже форма действия, психологическая санкция на осуществление которого часто является очень ответственным решением и предъявляет едва ли больше требований к внутренней деятельности в плане образа [16. С. 166–167]. Из сказанного следует, что важнейшей характеристикой Образа мира, обеспечивающей ему возможность функционирования в качестве активного начала отражательного процесса, является его деятельностная и социальная природа [16. С. 146].

Исходные формы Образа мира формируются прижизненно, и начало их формирования «связано с торможением врожденных сенсомоторных автоматических координат, которые хорошо проявляются в первые минуты, часы и дни жизни ребенка и постепенно исчезают». Первые действия ребенка представляют собой «синкретическое единство моторных, сенсорных и аффективных компонентов, из которых выделяется потом Образ мира, деятельность и личность, исчерпывающие в сумме предмет психологии». Благодаря действиям ребенка в его сознании происходит встреча чувственных впечатлений, имеющих внутреннее происхождение, и чувственных впечатлений, продуцируемых внешними воздействиями, в результате этой встречи рождаются первые образы. Целостность Образа мира в сознании ребенка сомнения не вызывает. Этот образ формируется спонтанно и носит генетически запрограммированный характер. Это универсальный уровень образного восприятия мира. Другой, более высокий, уровень образуют ядерные структуры Образа мира. Это уровень (или уровни) символической знаковой репрезентации мира. Он формируется в индивидуальной психике субъекта на основе усвоения системы общественно выработанных значений, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности. Именно на уровне ядерных структур осуществляется генерация познавательных гипотез, которые позволяют гомогенизировать мыслительный Образ мира, сохранить его структурную целостность вопреки объективному процессу вееризации Образа мира под влиянием отдельных областей человеческой деятельности (наука, искусство, политика, экономика, социальная сфера и т. д.).

Переход от генетически запрограммированных уровней мировосприятия к ядерным уровнями образного мировидения во многом напоминает путь, который проходит человек, чтобы стать ученым-лингвистом. Как известно владение языком не является врожденным свойством, хотя и имеет природную «предначертанность». Ю.С. Маслов пишет, что владение языком «создается постепенно, начиная с раннего детства, и создается в принципе тем же путем, каким идет и ученый лингвист: каждый человек познает свой родной язык, добывая его из речи». Только процесс этого добывания у ребенка носит не вполне осознанный, в основном спонтанный характер, лишь отчасти дополняясь целенаправленными сведениями, сообщаемыми взрослым ребенку. Так постепенно в процессе переработки данных речевого опыта «из всей массы услышанного, а затем и прочитанного, неуклонно и постепенно отбирается, обобщается и складывается в систему все повторяющееся, все более или менее устойчивое, и все это тут же проверяется на практике, “пускается в ход” в новых и новых высказываниях». Постепенно создается в сознании индивида почти автоматический механизм владения родным языком. При

изучении же языка в зрелом возрасте роль непосредственного прямого усвоения грамматической теории возрастает [9. С. 9]. Возьмем на себя смелость сопоставить и даже объединить два процесса: спонтанное и осознанное изучения языка и спонтанное же и осознанное постижение мира с целью сформировать его Образ. Подобно усвоению языка происходит естественное освоение человеком его жизненного пространства, образ которого, пусть и не вполне осознанно, присутствует в сознании любого здорового индивида в форме комбинации зрительных и иных чувственных впечатлений и их по началу скромной категориальной идентификации. Неосознанный образ мира формируется у детей в возрасте от 4 до 5 лет, поскольку около четырех лет дети усваивают, что другие могут иметь отличные от них взгляды, а к пяти годам большинство детей приобретают полностью развитое чувство собственного «Я», начиная взаимодействовать с другими людьми [19. С. 151]. Осознанное формирование Образа мира происходит позднее, на этапе вторичной социализации личности (в процессе получения образования и в ходе общественно полезной деятельности) и имеет примерно такое же значение для миропонимания, какое имеет знание грамматической теории для человека, владеющего языком или его изучающего.

В соответствии с теорией отражения Образ мира формируется в процессе восприятия субъектом соответствующих объектов внешнего мира. На это восприятие «он отвечает путем отнесения воспринимаемого раздражителя к тому или иному классу вещей или событий» посредством выделения т. н. признаков (cues) или ключевых признаков (clues). Таков в общем виде механизм категоризации, который обеспечивает два взаимосвязанных процесса — восприятия и принятия решений. Адекватные установки к восприятию внешних форм основываются, во-первых, на умении усвоить подходящие категории для классификации событий окружения и установления их последовательности; во-вторых, на минимизации искажения при восприятии внешнего, когда более доступные категории с широкими пределами маскируют категории менее доступные, мешая использованию их для кодирования доходящих до субъекта раздражителей [3. С. 13, 29–31, 60]. Адекватная категоризация при восприятии позволяет выработать адекватные суждения и принять адекватные обстоятельствам решения.

Важной разновидностью образа выступает «фрейм» — структура данных для представления стереотипной ситуации или минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов, позволяя представить его в памяти ЭВМ. [11. С. 3, 7, 122]. Предложенная Марвином Минским, американским исследователем искусственного интеллекта, эта теория получила высокую оценку мировой научной общественности. Структура фреймов Минского включает «верхние» и «нижние» уровни, терминалы, субфреймы, маркеры и т. д. Отдельные фреймы объединяются в системы, внутри которых происходят трансформации между фреймами системы. Системы фреймов связаны сетью поиска информации, которая и дает возможность структурировать понятие «образа», приступить к его распознаванию. Фрейм, по Минскому, это аналоговое логизированное знание, формализованное под потребности «искусственного интеллекта», но фрейм — это не реальное знание, по крайней мере, на современном этапе существующего понимания процесса мышления.

Система фреймов позволяют видеть обобщенный образ реального мира и отображать его в памяти компьютера. Фреймы по природе фрактальны, поскольку в малой форме отражают свойства большого. В нашей интерпретации Образ мира тоже фрактален, поскольку даже частные подобразы мира имеют свойство фрактальности, т. е. раз-

деленны на сегменты — фракталы, обладающие свойством самоподобия (масштабной инвариантности), проявляющегося в том, что меньший фрагмент структуры такого объекта подобен большему, а большой фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом.

Осознание того, что мы реально знаем больше, чем понимаем, что мы знаем на самом деле, приходит с опытом, увы, не жизненным, а мыслительным. Вот пример того, как наше знание о нашем знании заводит нас в тупик. Человеку привычно свойство транзитивности мышления — перенос определенной информации об одном объекте на другой, сходный или находящийся в сходном положении. Скажем: А около В; В около С следовательно А около С, но неограниченное применение такого правила приведет к тому, что все объекты окажутся расположенными по соседству друг с другом, а понятие «около» утратит практический смысл. Допустим, что мы введем ограничения на употребление понятия «около», т. е. разрешим применение правила транзитивности не более трех раз подряд. Таким образом, мы «спасем» «около», но бесосновательно урежем нашу мыслительную способность. В реальности наш мозг легко справляется с этой задачей, но вне логического подхода.

«Логические рассуждения недостаточно гибки и не могут служить основой мышления... Я сомневаюсь в возможности эффективного представления обычных знаний в виде совокупности простых, независимых, "истинных" утверждений... Мышление всегда начинается с наводящих на мысль, но несовершенных планов и образов, которые (если это вообще имеет место) постепенно совершенствуются и заменяются лучшими вариантами» [11. С. 119–120]. Формирование Образа мира с точки зрения психологического подхода — это постоянный процесс мировосприятия, который рассматривается как необходимое и достаточное условие существования человека в гармонии с внешним миром и самим собой, как частью этого мира. Без способности к формированию психических образов, считает нью-йоркский психолог Пауль Куглер, были бы невозможны самосознание, речь, письмо, запоминание, сны, искусство, культура — все то главное, что присуще только человеку. Психология как область знания вообще развивалась из стремления понять процесс создания образов, то есть снов, ассоциативных способностей, памяти и фантазий и той роли, которую этот процесс играет в формировании личности и развитии психопатологии. Особенно преуспели в объяснении формирования психических образов Зигмунд Фрейд (1856–1939) и Карл Густав Юнг (1875–1961). Оба избрали для этого форму «универсалий» — универсальных принципов построения современной теории человеческой природы, но коренным образом различно трактуя их. У Фрейда в качестве таких универсалий были избраны филогенетические «схемы» (термин «филогенез» введен еще в 1866 г. немецким биологом Э. Геккелем), Эдипов комплекс, и связанный с ним мир желаний, а Юнг опирался на принцип «архетипов», впервые сформулированный им в 1919 г. Фрейд основывал свои теоретические изыскания на постулате о существовании мира желаний (эроса), который предшествует любому переживанию. Юнг же строил свою теорию «исходя из реальности мира образов».

«Образ — это мир, в котором разворачивается опыт. Образ составляет опыт. Образ — это душа. Для Юнга мир психической реальности не является ни миром вещей, ни миром бытия. Это мир "образа как такового"» [7. С. 121–122]. Если верить Юнгу, то психика вообще по большей части состоит из образов, а психическая сущность может стать содержанием сознания, т. е. обрести представление только тогда, когда она имеет свойства образа. Если подход к образному мышлению Фрейда имеет мощную объяс-

нительную силу постфактумного анализа, то теория Юнга близка нашей теме именно своей устремленностью в будущее, эвристическим комплексом, на который мы будем в дальнейшем опираться [12. С. 72–94].

Поскольку образное мышление обеспечивает непрерывность восприятия реальности во времени и пространстве, то конкретно Образ мира придает этой непрерывности позитивность, устойчивость, целостность мировосприятия. Образ мира — это постоянно корректирующаяся и саморазвивающаяся субъектно-объектная форма отражения реальности, способная одновременно влиять и на создавшее образ сознание, и на отраженную в образе внешнюю реальность. Образ мира лишь отчасти подвластен логическому построению. Значительная часть этого Образа имеет иррациональное (моральное, эстетическое, этическое и иное эмоциональное) содержание, поскольку мир открывается лишь как «соразмерное человеку» знание, и, добавим, — «разумно достаточное». Всего несколько десятилетий назад Образ мира имел значение в пределах однородной этнокультурной или цивилизационной среды. Сегодня мы присоединяемся к Эриху Фромму и его супруге Рут Нанде Аншен, которые признают, «что центробежную силу, разбросавшую и атомизировавшую человечество, нужно заменить интегрирующей структурой и процессом, способным дать существованию смысл и цель» [18. С. 179]. Вывод двойственен. Либо, вторя остроумию Пьера Симона Лапласа, признать, что истина находится вне субъекта, а человеческая психология — только «вредный балласт на слабых крыльях несовершенного разума». Либо ответить на вызов современного мультикультурного и мультицивилизационного мира на этапе глобальной интеграции наций, этносов, народов, стран и попытаться понять: «Какой мир предпочтительнее?». Универсальный Образ мира, могущий служить концептом глобальной интеграции, очевидно должен возникнуть как непротиворечивая альтернатива локальным образам мировосприятия, включив в себя не только знания и опыт отдельных стран, но и психо-эмоциональную установку на позитивное мировосприятие.

Литература

1. *Lippman W.* Public Opinion. N.Y., 1965.
2. *Аншен Р.Н.* Мировые перспективы // Фромм Э. Революция надежды. О гуманизации технического общества. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. М., 2005.
3. *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
4. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. 2.
6. *Зинченко В.Г., Зуман В.Г., Кирнозе З.И.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М., 2008.
7. *Кюглер П.* Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2007.
8. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
9. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. Учебное пособие для филологических специальностей университетов. М., 1975.
10. *Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.
11. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
12. О различиях научных позиций Юнга и Фрейда см.: Дэвис Дуглас. Фрейд, Юнг и психоанализ // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2007.

13. Рок И. Введение в зрительное восприятие. М., 1980. Т. 2.
14. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
15. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. М., 2008.
16. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отображения. М., 1985.
17. Современный иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2008.
18. Фромм Э. Революция надежды. О гуманизации технического общества. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. М., 2005.
19. Человек / Пер. с англ.; под ред. Р. Уинстона. М., 2005.
20. Шарден П. Т. де. Феномен человека. М., 1987.